

ГЛАВА 1

Приблизив лицо к зеркалу, Польша неторопливо пересчитывала, как пересчитывают поражения, пометы времени, накопившиеся к тридцати девяти годам, не испытывая ни ужаса, ни горечи, неизбежных в таких случаях, напротив — с каким-то полурассеянным спокойствием. Как будто эта живая кожа, которую слегка оттягивали два пальца, чтобы обозначилась морщинка, чтобы проступила тень, принадлежала кому-то другому, другой Польша, страстно заботившейся о своей красоте и нелегко переходившей из категории молодых женщин в категорию женщин молоджавых, — и эту Польша она узнавала с трудом. Она остановилась перед зеркалом, просто чтобы убить время, и вдруг ей открылось — при этой мысли она даже улыбнулась, — что именно время-то и сжигает ее на медленном огне, убивает исподволь, обрушиваясь на тот облик, который, как она знала, нравился многим.

Роже собирался прийти к девяти часам; сейчас семь — значит времени у нее достаточно. Достаточно времени, чтобы вытянуться на постели, закрыть глаза, не думать ни о чем. Дать себе роздых. Дать ослабнуть напряжению. Но о чем же она так страстно, до изнеможения думала весь этот день, если к вечеру ей необходимо отдохнуть от своих мыслей? Ей была хорошо знакома эта беспокойная апатия, которая гнала ее из комнаты в комнату, от окна к окну. Так бывало в детстве, в дождливые дни.

Она вошла в ванную комнату, нагнулась, попробовала, достаточно ли теплая вода, и жест этот сразу же напомнил ей другое... Было это лет пятнадцать назад. Она была с Марком, они во второй раз проводили вместе каникулы, и уже тогда она чувствовала, что это ненадолго. Они шли на паруснике Марка, парус бился по ветру, как неспокойное сердце. Ей было двадцать пять. И внезапно ее затопило счастье, она принимала весь мир, все в своей жизни принимала, поняв, словно в каком-то озарении, что все хорошо. И, желая скрыть сияющее лицо, она перегнулась через борт и окунула пальцы в быстрые струйки воды. Маленький парусник накренился; Марк кинул на нее не-

выразительный взгляд — только он один умел так смотреть, — и сразу же на смену счастью пришла ироническая усмешка. Разумеется, она и после бывала счастлива с другими или благодаря другим, но ни разу таким полным счастьем, которое ни с чем не сравнимо. Но со временем воспоминание об этой минуте перестало радовать — превратилось как бы в память о нарушенном обещании...

Роже придет, она ему все объяснит, попытается объяснить. Он скажет: «А как же иначе» — с тем удовлетворением, какое он испытывал всякий раз, когда ему удавалось уличить жизнь в передержках, и тогда он, чуть не ликуя, пускался рассуждать о бессмысленности существования, об упрямом желании его длиться. Только у него все это восполняется неистребимым жизнелюбием, несокрушимым аппетитом к жизни, и в глубине души он доволен, что существует на свете, и расстается он с этим чувством, только когда засыпает. Он и засыпал сразу, положив ладонь на сердце, даже во сне, как в часы бодрствования, прислушиваясь к биению своей жизни. Нет, не сможет она втолковать Роже, что она устала, что по горло сыта этой свободой, ставшей законом их отношений,

этой свободой, которой пользуется лишь он один, а для нее она оборачивается одиночеством; не сможет Поль сказать ему, что порой чувствует себя одной из тех ненасытных собственниц, которых он так ненавидит... Вдруг ее пустая квартира показалась ей пугающе унылой, ненужной.

В девять позвонил Роже, и, открывая ему, увидев в проеме двери его улыбающееся лицо, его, пожалуй, чересчур крупную фигуру, она в который раз покорно подумала, что, видно, это ее судьба и что она его любит. Он обнял ее.

— Как ты мило оделась... А я соскучился по тебе. Ты одна?

— Да. Входи.

«Ты одна?..» А что бы он стал делать, если бы она ответила: «Нет, не одна, ты пришел некстати»? Но за шесть лет она ни разу не сказала ему этих слов. Он не забывал ее об этом спрашивать, иногда даже извинялся, что беспокоил, — просто из хитрости, за которую она упрекала его про себя больше даже, чем за его непостоянство. (Он не желал даже допускать мысли, что виноват в ее одиночестве и в том, что она несчастна.) Она улыбнулась ему. Он откупорил бутылку, налил два стакана, сел.

— Присядь, Поль. Где мы будем обедать?

Она села возле него. Вид у него был усталый, у нее тоже. Он взял ее руку, пожал.

— Я совсем погряз в разных трудностях, — сказал он. — Все идет по-дурацки, кругом одни болваны, растяпы, просто даже невероятно. Эх, пожить бы в деревне!

Она рассмеялась:

— Ты бы там соскучился без Кэ-де-Берси, без своих складов, грузовиков. И без ночных шатаний по Парижу...

При последних словах он тихо рассмеялся, потянулся всем телом и устало откинулся на спинку дивана. Она не обернулась. Она смотрела на свою руку, лежавшую на его широкой ладони. Все она знала в нем: густые волосы, начинавшие расти низко, чуть ли не с половины лба, любое выражение выпуклых голубых глаз, складку губ. Знала его наизусть.

— Кстати, — проговорил он, — кстати, о моих безумных ночах. Меня тут на днях забрали в полицию, как мальчишку, я подрался с одним типом... Это в мои-то сорок лет... В полицию, представляешь?

— А почему ты дрался?

— Не помню уж. Ему здорово досталось.

И он вскочил на ноги, как будто воспоминание об этой схватке воодушевило его.

— Знаю, куда мы пойдем, — объявил он. — В «Пье-монта». А после потанцуем. Если, конечно, ты согласишься признать, что я танцую.

— Ты не танцуешь. Ты просто ходишь, — сказала Поль.

— Не все придерживаются такого мнения.

— Если ты имеешь в виду тех бедняжек, которые на тебя молятся, тогда ты, конечно, прав, — заметила Поль.

Они расхохотались. Мимолетные похождения Роже были любимым предметом их шуток. Прежде чем взяться за перила лестницы, Поль прислонилась на минутку к стене. Она вдруг пала духом.

В машине Роже она рассеянно включила радио. В мертвенном свете щитка приемника она на секунду увидела свою кисть, длинную и выхоленную. Под кожей шли жилки, подбираясь к пальцам, сплетаясь в беспорядочный рисунок. «Наподобие моей жизни», — подумала она, но тут же решила, что подобия нет. У нее — ремесло, которое она любит, прошлое, о котором она не жалеет, добрые друзья. И прочная связь. Она повернулась к Роже:

— Сколько уж раз я включала в машине радио, отправляясь с тобой обедать?

— Не знаю.

Он искоса взглянул на нее. Наперекор прошедшим годам и уверенности, что она его любит, он был до сих пор до странности чувствителен к ее настроениям, был вечно начеку. Словно в первые месяцы... Она начала было свое обычное: «Помнишь?» — но тут же спохватилась, решив сегодня вечером не распускаться, чтобы не впасть в излишнюю сентиментальность.

— Тебе это кажется банальным?

— Нет, я сама себе порой кажусь банальной.

Он протянул к ней руку, она обхватила ее ладонями. Ехали быстро, знакомые улицы поспешно стлались под колеса. Париж поблескивал под осенним дождем. Он засмеялся:

— Вот я думаю, почему я езжу так быстро. По-моему, просто стараюсь разыгрывать из себя молодого человека.

Она не ответила. Сколько она его знала, он всегда старался показать, что он молодой человек, — он и был «молодым человеком»! Только недавно он признался ей в этом, и его признание даже испугало Поль. Все страшнее становилась для нее роль поверенной, в которую она исподволь втянулась во имя взаимного понимания, во имя любви. Он был ее жизнью, хотя и забывал

об этом, и она сама помогала ему забывать с весьма достохвальной скромностью.

Они спокойно обедали, разговор шел о затруднениях, которые испытывали тогда транспортные агентства, такие как у Роже; потом она рассказала ему две-три забавные истории о магазинах, где работала декоратором. Одна клиентка от Фата категорически потребовала, чтобы Поль занялась ее квартирой. Американка, и довольно богатая.

— Ван ден Беш? — переспросил Роже. — Постой-ка, припоминаю. Ах да...

Поль вопросительно приподняла брови. Вид у него был беззаботный, как всегда при воспоминаниях определенного рода.

— Я ее в свое время знал. Боюсь, что еще до войны. Она целые дни торчала в кафе «Флоранс».

— С тех пор она успела выйти замуж, развестись и так далее и тому подобное.

— Да-да, — мечтательно произнес он. — Ее звали, как же ее звали...

Поль почувствовала раздражение. Ей вдруг захотелось воткнуть вилку в его раскрытую ладонь.

— Как ее звали, меня не интересует, — сказала Поль. — Думаю, у нее достаточно денег и ни капли вкуса. Как раз то, что мне требуется, чтобы существовать.

— А сколько ей сейчас лет?

— Шестой десяток пошел, — холодно ответила Поль и, заметив выражение его лица, рассмеялась. Он перегнулся через столик, пристально посмотрел на нее.

— Страшно с тобой, Поль. Тебе лишь бы меня унижить. Но все равно я тебя люблю, хоть и не следовало бы.

Ему нравилось разыгрывать из себя жертву.

Поль вздохнула:

— Как бы то ни было, завтра я пойду к ней на авеню Клебер. Мне просто до зарезу нужны деньги. Да и тебе тоже, — живо добавила она, увидев, что он протестующе поднял руку.

— Поговорим о чем-нибудь другом, — предложил он. — Давай лучше потанцуем.

В ночном ресторане они сели за маленький столик далеко от танцевальной площадки и молча смотрели, как мелькают бледные лица танцующих. Она положила свою ладонь на его руку, она чувствовала себя под его крылом, она так к нему привыкла. Потребовалось бы слишком много усилий, чтобы так же хорошо узнать кого-нибудь другого, и в этой уверенности она черпала невеселое счастье. Они пошли танцевать.

Он крепко обхватил ее талию, закружил по площадке наперекор ритму, и видно было, что он очень собой доволен. Она была счастлива.

Домой они возвратились на машине. Роже проводил ее до подъезда и обнял.

— Ну, отдыхай, спи спокойно. До завтра, дорогая.

Он слегка коснулся губами ее губ и пошел обратно к машине. Она помахала ему рукой. Все чаще и чаще он предоставлял ей «спать спокойно». Квартира была до ужаса пустая. Поль тщательно прибралась и только потом присела на кровать, сдерживая слезы. Она осталась одна, опять одна и в эту ночь; вся жизнь представилась Поль бесконечной чередой одиноких ночей, среди несмятых простынь, хмурого спокойствия, сопутствующего долгой болезни. Лежа в постели, она машинально протянула руку, как бы желая коснуться теплого плеча, она удерживала дыхание, будто боялась спугнуть чей-то сон. Мужчины или ребенка. Не важно чей, лишь бы она была им нужна, лишь бы ее живое тепло помогало им спать и просыпаться. Но никому она по-настоящему не нужна. Разве что Роже, да и то временами... И то не по-настоящему. И не любовь это,

а просто физиология — иногда она ощущала это. С горькой усладой она отдавалась своему одиночеству.

Оставив машину у подъезда, Роже решил пройтись. Он дышал всей грудью, постепенно ускоряя шаг. Ему было хорошо всякий раз после свиданий с Поль, он любил только ее. Но вот сегодня вечером, расставаясь с ней, он догадался и о другом — о ее печали — и не нашелся что сказать. Она словно о чем-то просила, просила невнятно, но он остро почувствовал: просила того, что он не мог ей дать, никогда никому не мог. Конечно, следовало бы остаться у нее и провести с ней ночь; нет все-таки лучшего средства успокоить тревогу женщины. Но ему хотелось пройтись пешком, пошататься по улицам, побродить. Хотелось слышать свои шаги на мостовой, подстергать дыхание этого города, который он знал как свои пять пальцев; а возможно, он просто предвкушал случайную ночную встречу. Он направился в сторону набережной, туда, где горели огни.

ГЛАВА 2

Она проснулась позднее обычного, вся разбитая, и поспешно вышла из дома. Ей нужно было еще до работы попасть к той самой американке. В десять часов она уже входила в полупустую гостиную на авеню Клебер и, так как хозяйка еще не вставала, стала спокойно пудриться перед зеркалом. В это-то зеркало она и увидела вошедшего Симона. Он был в широком, не по фигуре, халате, со встрепанной шевелюрой и необыкновенно красивый. «Не моего романа», — подумала она, не оборачиваясь, и улыбнулась своему отражению. Он был слишком тоненький, слишком темноволосый, со светлыми глазами и, пожалуй, излишне изящен.

В первую минуту он ее не заметил и, напевая себе под нос, направился к окну. Она кашлянула, он обернулся с виноватым видом. Она решила было, что это последнее увлечение мадам Ван ден Беш.

— Простите, пожалуйста, — заговорил он, — я вас не заметил. Я Симон Ван ден Беш.

— Ваша мать просила меня зайти сегодня утром посоветоваться насчет квартиры. Боюсь, я разбудила весь дом.

— Все равно рано или поздно приходится просыпаться, — грустно отозвался он.

И она устало подумала, что он, должно быть, из породы хныкающих юнцов.

— Садитесь, пожалуйста, — предложил он и сам с серьезной миной уселся против нее, запахивая халат.

Вид у него был почти сконфуженный. Поль вдруг почувствовала к нему какую-то симпатию. Во всяком случае, он вовсе не производил впечатления человека, сознающего свою красоту, — и это уже неплохо.

— Кажется, все еще идет дождь?

Она рассмеялась. Она подумала, какую физиономию скорчил бы Роже, увидев, чем занимается Поль, такая деловая даже внешне: сидит в десять часов утра в чужой гостиной и нагоняет страх на красивого мальчика в халате.

— Да-да, идет, — весело подтвердила она.

Он вскинул на нее глаза.

— А о чем же мне прикажете говорить? — произнес он. — Я вас не знаю. Если бы я вас

знал, я сказал бы, что очень рад снова увидеть вас.

Поль озадаченно взглянула на него:

— Почему же?

— Да так.

Он отвернулся. С каждой минутой он казался ей все более и более странным.

— Вашу квартиру действительно не мешало бы немного обставить, — сказала она. — Где вы обычно сидите, когда у вас собирается больше трех человек?

— Не знаю, — отозвался он. — Я здесь редко бываю. Целый день работаю, возвращаюсь усталый и сразу ложусь.

Поль окончательно запуталась в своих суждениях об этом мальчике. Внешностью не кокетничает, работает целый день... Она чуть было не спросила: «А чем вы занимаетесь?» — но удержалась. Такое любопытство было не в ее духе.

— Я стажирюсь у адвоката, — продолжал Симон. — Приходится много работать, ложиться в полночь, вставать на рассвете...

— Сейчас десять, — заметила Поль.

— Сегодня утром моего главного клиента гильотинировали, — протянул он.

Поль вздрогнула. Он не поднимал глаз.

— Боже мой! — воскликнула она. — И он умер?

Оба расхохотались. Он поднялся и взял с камина сигарету.

— Нет, правда, я работаю не особенно много, недостаточно много. Вот вы зато в десять часов уже на ногах, готовы заняться нашей мерзкой гостиной, я вас просто уважаю.

Он взволнованно зашагал по комнате.

— Успокойтесь, — посоветовала Поль.

Она вдруг пришла в хорошее расположение духа, даже развеселилась. И даже начала бояться появления матери Симона.

— Пойду оденусь, — сказал Симон. — Я быстро. Подождите меня.

Целый час она провела с мадам Ван ден Беш, которая с утра явно находилась не в духе и держалась скорее сурово; разработала вместе с ней сложный проект мебелировки квартиры и, спускаясь по лестнице, радостно строила финансовые планы, совершенно забыв о существовании Симона. По-прежнему лил дождь. Поль уже подняла было руку, желая остановить такси, как вдруг подкатил маленький, низенький автомобильчик.

Симон открыл дверцу:

— Может быть, я вас подвезу? Я как раз еду в контору.

Ясно было, что он прождал ее целый час, но его заговорщический вид растрогал

Поль. Согнувшись чуть ли не вдвое, она с трудом влезла в машину и улыбнулась:

— Мне нужно на авеню Матиньон.

— С мамой договорились?

— Вполне. В самое ближайшее время вы будете отдыхать после своих трудов на мягких кушетках. А вы из-за меня не очень опоздаете? Уже начало двенадцатого. Времени более чем достаточно, чтобы гильотинировать весь свет.

— У меня времени сколько угодно, — угрюмо отозвался он.

— Я вовсе не собираюсь над вами смеяться, — мягко произнесла она, — просто у меня прекрасное настроение: у меня были денежные проблемы, а благодаря вашей маме все благополучно разрешится.

— Пускай только она вам вперед заплатит, — посоветовал он, — она у нас ужасно жадная.

— Так о родителях говорить не полагается, — сказала Поль.

— Мне не десять лет.

— Сколько же?

— Двадцать пять. А вам?

— Тридцать девять.

Он присвистнул так непочтительно, что она чуть было не рассердилась, но тут же засмеялась.

- Почему вы смеетесь?
- Вы присвистнули так восхищенно.
- Представьте, я куда более восхищен, чем вы полагаете, — ответил он и так нежно поглядел на Поль, что ей стало неловко.

«Дворники» ритмично скользили по смотровому стеклу, не справляясь с напором дождя, и она невольно подумала, как это Симон ухитряется вести машину. Сядясь рядом с ним, она порвала чулок; она чувствовала себя чудесно веселой в этом неудобном автомобильчике, рядом с этим незнакомым, явно заинтересовавшимся ею юношей, под этим дождем, пробивавшимся даже внутрь и оставлявшим пятна на ее светлом пальто.

Она начала что-то мурлыкать; сначала она уплатит налоги, потом пошлет ежемесячную сумму матери, рассчитается с магазином, и у нее останется... ей вдруг расхотелось считать дальше. Да и Симон вел машину на большой скорости. Она вспомнила Роже, минувшую ночь и помрачнела.

- Вы бы не согласились как-нибудь позавтракать со мной?

Симон выпалил эту фразу одним духом, не глядя в ее сторону. На мгновение ее охватил панический страх. Она его совсем не знает, придется волей-неволей поддер-

живать разговор, расспрашивать, стараться войти в чью-то незнакомую жизнь. Она попыталась отбиться.

— В ближайшие дни не знаю, слишком много работы.

— Ну что ж, ничего не поделаешь, — отозвался он. Настаивать он не стал.

Поль взглянула на него; теперь он вел машину спокойнее и даже как-то меланхолично. Она достала сигарету, он протянул ей зажигалку. Кисти рук у него были мальчишеские, очень худые и комично вылезали из рукавов пиджака спортивного покроя. «При такой внешности не следует одеваться под траппера», — подумала она, и ей вдруг захотелось заняться его туалетом. Он воплощал собой тот тип юноши, который внушает материнские чувства женщинам ее возраста.

— Мне сюда, — сказала она.

Он молча вышел из машины, открыл дверцу. Вид у него был надутый и печальный.

— Еще раз спасибо, — сказала она.

— Не за что!

Она шагнула к подъезду и оглянулась. Он смотрел ей вслед, неподвижно стоя у машины.

ГЛАВА 3

Чуть ли не четверть часа Симон искал, куда бы приткнуть машину, и наконец поставил ее в полукилометре от своей конторы. Он работал у одного приятеля своей матери, знаменитого и ужасно противного адвоката, терпеливо сносившего все выходки Симона по причинам, о которых юноша предпочитал не думать. Временами ему страстно хотелось довести своего шефа до белого каления, да мешала лень. Ступив на тротуар, он ушиб ногу и тотчас же захромал с покорно-томным видом. Женщины оглядывались ему вслед, и Симон физически, спиной чувствовал, что они думают про себя: «Как жаль, такой молоденький, такой красавец — и калека!» Хотя внешность не прибавляла ему самоуверенности, он с облегчением твердил про себя: «У меня ни за что не хватило бы духу быть уродом». И при этой мысли ему мерещилось аскетическое

существование то ли в качестве отверженного художника, то ли пастуха в Ландах.

Прихрамывая, он вошел в контору, и старая мадемуазель Алис бросила на него полуласковый, полускептический взгляд. Ей были известны все фокусы Симона, она относилась к ним снисходительно, но сокрушалась. При такой внешности и живом уме он мог бы стать знаменитым адвокатом, будь у него хоть на грош серьезности. Он приветствовал ее преувеличенно торжественным поклоном и уселся за свой стол.

— С чего это вы вдруг захромали?

— Я не по-настоящему. Ну, кто там кого уколошил сегодня ночью? Неужели же мне никогда не попадетя прекрасное стопроцентное преступление, что-нибудь действительно ужасное?

— Вас утром три раза спрашивали. Сейчас половина двенадцатого.

Слово «спрашивали» означало, что спрашивал Симона сам шеф. Симон посмотрел на дверь.

— Я поздно проснулся. Зато видел нечто прекрасное.

— Женщину?

— Да. Знаете, лицо очень красивое, нежное такое, чуточку осунувшееся... а движе-

ния... ну, словом, такие движения... Страдает от чего-то, а почему — неизвестно...

— Вы бы лучше просмотрели дело Гийо.

— Ладно.

— А она замужем?

Этот вопрос вывел Симона из состояния глубокой задумчивости.

— Не знаю... Но если и замужем, то замужество неудачное. У нее были денежные затруднения. Потом они уладились, и она сразу повеселела. Я очень люблю женщин, которые радуются деньгам.

Мадемуазель Алис пожала плечами:

— Значит, вы всех подряд любите!

— Почти всех, — уточнил Симон. — За исключением очень молоденьких.

Он открыл папку с делом. Дверь распахнулась, и мэтр Флери просунул голову между створками.

— Мсье Ван ден Беш... на минуточку!

Симон переглянулся с секретаршей. Потом поднялся и прошел в кабинет, обставленный в английском стиле, ненавистный ему своим безукоризненным порядком.

— Вам известно, который час?

Мэтр Флери пустился превозносить точность, трудолюбие и закончил свою странную речь похвалой своему собствен-

ному долготерпению и долготерпению мадам Ван ден Беш.

Симон глядел в окно. Ему казалось, будто когда-то, очень давно, он уже присутствовал при точно такой же сцене, всю свою жизнь проторчал в этом кабинете английского стиля, вечно слушал эти речи; ему чудилось, будто что-то невидимое сжимает его кольцом, душит, грозит умертвить.

«Что я, в сущности, делал, — внезапно подумалось ему, — что я делал целых двадцать пять лет: только переходил от одного учителя к другому, вечно меня распекали, да еще считалось, что мне это должно быть лестно!» Впервые в жизни этот вопрос встал перед ним с такой остротой, и он машинально произнес:

— Что же я делал?

— Как — что? Вы, дружок, вообще ничего не делали, в этом-то вся трагедия: вы ничего не делаете.

— Думаю даже, что я никого никогда не любил, — продолжал Симон.

— Я вовсе не требую, чтобы вы влюбились в меня или в нашу старушку Алис, — взорвался мэтр Флери. — Прошу вас только об одном — работайте. Есть пределы и моему терпению.